

Редакция журнала поздравляет доктора архитектуры, заведующего кафедрой «Архитектура жилых и общественных зданий» Белорусского национального технического университета, собирателя архитектурного наследия земли белорусской Сергачева Сергея Алексеевича, ставшего победителем XV Республиканского конкурса лучших архитектурных произведений 2010 – 2011 годов в разделе «Публикация в области архитектуры, градостроительства и дизайна» с вручением ему медали и диплома.

Сергачев Сергей Алексеевич на протяжении длительного периода публикует в нашем журнале статьи, рассказывающие о приемах работы и творческих методах народных мастеров-строителей Беларуси. В этих статьях раскрывается мудрая простота и ясность создававшихся нашими предками архитектурных форм и композиций, органическое единство эстетических и конструктивно-технологических основ строительного процесса. Встречи с творениями предшествующих поколений строителей неизбежно напоминают о вечных, непреходящих принципах искусства архитектуры.

Редакция гордится тем, что этот цикл статей в журнале «Техническое нормирование, стандартизация и сертификация в строительстве» явился весомой частью представленных автором на конкурс материалов.

Желаем Сергею Алексеевичу здоровья, дальнейших творческих успехов, плодотворного сотрудничества со средствами массовой информации и публикуем очередную его статью.

НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО БЕЛАРУСИ: «ВАРОЦКІ ПАЗЛАЧОНЫЯ»

Казалось бы, ограда или ворота могут восприниматься как нечто второстепенное, не столь существенное по сравнению с жилым домом и другими строениями усадьбы. Но вот как возвышенно, празднично о них упоминается в народной песне из окрестностей Борисова:

*«Вакола агароду ўсё жалезны тын,
А шулачкі мураваня,
Вярэюшкі ўсё тачоныя,
Вароцкі пазлачоныя,
Падваротніца — бела рыббя косць,
А клямачкі пазлачоныя,
А замочкі сярэбраныя».*

Безусловно, это обычное для фольклора преувеличение. Но тем не менее ясно ощущается стремление выразить уважительное отношение к тому, что обозначает и закрепляет границы, причем не столько земельных наделов, хотя и это чрезвычайно важно, сколько пространства, той части мира, которую семья обустроивала для жизнедеятельности. И нужны тут были, кроме зданий и оград, всякого рода мелочи, вроде колодца, скамьи, приспособлений для сушки сена, ульев для пчел, будки для собаки и многого иного.

Ограду («плот») устраивали для организации среды обитания, обозначения специфики пространств (палисадник — для цветов, огород — для овощей и т. д.) и их защиту (огорода от кур, посевов от потравы и т. д.). Важным было правовое назначение оград — закрепление на местности границ земельных наделов. Особо привлекательными старались сделать обозримые их участки, например, вдоль улицы. Поэтому обычным было устройство в глубине усадьбы простой ограды — из жердей или плетень, а вдоль улицы — из специально нарезанных дощечек («штакецін»). Так проявлялась такая функция оград — представительская, ведь ограда всегда свидетельствовала об экономическом состоянии хозяйства, его социальном статусе.

Ограда из колышков — чрезвычайно распространенное решение, в своеобразной форме донесшее до наших дней ее основную функцию — защита своей территории от нежелательных посещений. Именно

«острокол», «частвокол», «острог» встречаются на страницах древних летописей. Но в XIX веке острожные ограды уже редко делали сплошными: с одной стороны, экономили материал, а с другой — стремились к замене замкнутых структур более открытыми, демократичными.

Ограда из сосновых или еловых колышков, прибитых к жердям, с интервалами, достаточными, чтобы не пропустить курицу, а ранее в связи с дефицитом гвоздей, просто привязанных лозой, по-прежнему востребованна и сегодня (рис. 1–2). Вертикали тонких колышков, чаще заостренных сверху, в полной мере выражают смысл ограды, обеспечивают надежность, а за счет контрастности с массивными столбами, к которым прибиты жерди, обладают и художественной выразительностью. Потом ограды из досок стали более популярными. Такие ограды известны в помещичьих усадьбах еще с XVII века. «Баляські» — это дощечки в ограде, а «балясы» или «баляскаванне» — это и есть ограда из досок. Причем

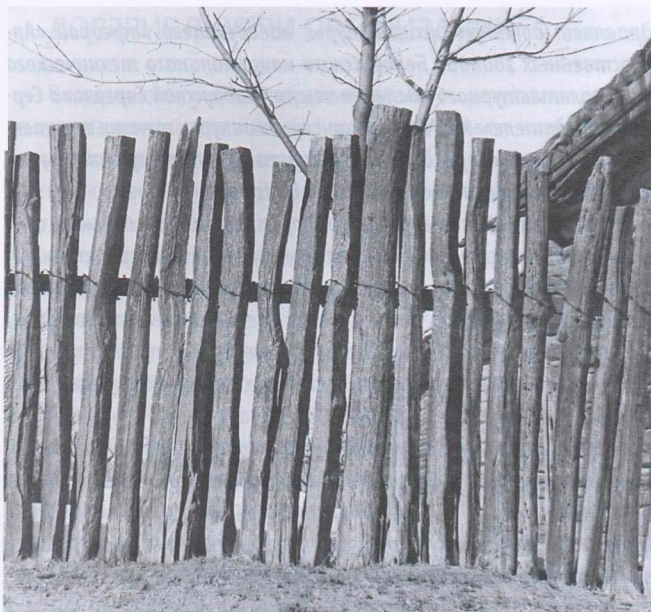

Рис. 1. Забор в Глыбочице Чечерского р-на

Рис. 2. Забор в Светиловичах Ветковского р-на

название подсказывает, что возможно использовали резную обработку досок, что приводило к аналогии с «белясинами» — элементами балюстрад в каменном зодчестве.

В крестьянских усадьбах обычно ограждали территорию двора, обязательным было ограждение огорода (отсюда и пошло его название), а порой и участков полей, куда могли попасть оставшиеся без надзора домашние животные. Сам двор часто ограждался «заметом» — оградой пряслами из горизонтальных бревен или плах, закреплявшихся в пазах вкопанных в землю вертикальных столбов. Эти ограды, напоминающие оборонительные сооружения городов («паркан»), обладали массивностью, надежностью. Причем на Поднепровье со стороны улицы подобное ограждение было обязательным /1, с. 71/.

Распространены были протяженные ограды из двух или трех горизонтальных жердей, привязанных лозой к кольям, вбитым в землю (рис. 3). Эти самые несложные ограды, жерди тщательно не обрабатывали, порой даже не ошкуривали, иногда специально оставляли сучки, что в определенной мере усиливало защитные функции.

Широко использовали на территории Беларуси плетеные ограды. Собственно и название ограды — «плот», подсказывает о связи этих

сооружений с процессом плетения. Плетение — распространенный промысел в белорусских деревнях, каждый крестьянин мог изготовить для своего хозяйства кошики, корзинки и другие емкости. Плетеные ограды были распространены еще и потому, что хворост крестьяне могли получить бесплатно в связи с существовавшим правом «на входы в лес». Известны два варианта плетеных оград: первый — плетни («кошковые» плетни), в которых использовались ветви, заплетавшиеся горизонтально между вбитых в землю кольев; второй — вертикальные, когда ветви и прутья заплетали вертикально между тремя, реже двумя горизонтальными жердями. Использовались либо одиночные прутья (ива, орех и др.), либо полностью ветви со всеми ответвлениями (практически любой породы). Поэтому в плетнях встречается очень четкая, присущая плетеным бытовым предметам структурированность, делавшая ограды еще более убедительным средством систематизации пространства (рис. 4). Плетень с вертикальным размещением прутьев (орех, ель) чаще использовали при ограждении огорода, так как разная высота прутьев, их гибкость и углы наклона становились непреодолимым препятствием для домашней птицы (рис. 5).

К труднопреодолимым можно отнести и ограду, когда-то сделанную в деревне Малашки Кормянского р-на. Ограда той части усадьбы, где

Рис. 3. Ограда поля в Новоселках Островецкого р-на

Рис. 4. Плетень в Козерогах Лоевского р-на

Рис. 5. Плетень в Слободке Кличевского р-на

Рис. 6. Ограда костела в Новом Дворе Щучинского р-на

размещалась пасека, состояла из трех рядов жердей, вкопанных в землю. Средний ряд этой многослойной ограды был вкопан вертикально, а наружный — со стороны улицы и внутренний — от пасеки, были слегка наклонены. В результате сверху ограда получала сложно преодолимое (как было сказано, — для медведя) завершение, так как кроме наклона все жерди имели разную высоту (отдельные жерди достигали высоты 5 м).

На Понеманье (Зельвенский, Волковысский, Мостовский районы) можно встретить ограды, устроенные из камней, собранных на полях. Эти ограды невысоки и если для домашней птицы преградой не являлись, то лошадей и коров останавливали. Одновременно такие ограды являлись подпорными стенками, регулировавшими перепад уровня земли. Достоинство каменных оград, в противовес деревянных, — незыблемость. Поэтому каменные ограды были распространены при ограждении территорий кладбищ и вокруг культовых зданий (рис. 6). А у деревянных оград первыми обычно подгнали столбики, затем приходил черед менять жерди. Так что каждая весна у крестьянина начиналась с

починки оград, но еще ранее — зимой, надо было заготовить необходимые материалы.

Разделение пространства оградами не было жестким, во-первых, в силу особенностей конструктивных решений (для многих оград характерны прозрачность, легкость), а во-вторых, необходимо было сохранить связи между отдельными частями усадьбы и усадьбы с внешним миром. Поэтому обязательны были ворота и калитки («брамы» и «весніцы»). Но если без ворот никак не обойдешься, то калитку делали не всегда, все-таки она требовала поворотных устройств, а это в какой-то мере сложность. Поэтому использовали своеобразное решение — **перелаз**. Прежде всего участок изгороди в месте перелаза делали ниже. А затем устраивали скамеечку, пропущенную через изгородь, благодаря чему получалось по ступеньке с каждой стороны изгороди (рис. 7). Часто здесь, по обе стороны изгороди, вкапывали по толстой колоде дерева. Иногда укладывали плоские камни, но это хуже, так как они могли быть скользкими в мокрую погоду.

Рис. 7. Перелаз в Марковском Лельчицкого р-на

Рис. 8. Ворота усадьбы в Барченках Ветковского р-на

Рис. 9. Ворота усадьбы в Слободке Шкловского р-на

Рис. 10. «Пярэплаты» в Камена Вилейского р-на

Отношение к **воротам и калиткам** — предельно уважительное. В народных песнях обращение к ним («браманька», «вароцечкі», «вароцейкі») обязательно ласковое. Это была своеобразная граница, отделявшая свой мир, где все понятно, от чужого, где могло быть и всякое. Прежде всего, ворота — прочное, основательно устроенное сооружение. Плотнища ворот (1- или 2-створчатые), навешивавшиеся на мощные боковые столбы («шулы»), могли быть легкими, из тонких досок, а могли быть и из плотно сбитого дощатого настила, не пропускавшего посторонние взоры вглубь двора. Дощатые плотнища часто завершались сверху красивой, плавно изогнутой линией. Художественная выразительность усиливалась использованием профилированных досок наружного слоя, их узорчатой укладкой, накладными резными деталями. Верхний брус, соединявший «шулы», нередко делали изогнутым, не только увеличивая этим высоту проезда, но и придавая конструкции упругость и динамичность. На Поднепровье и Восточном Полесье над воротами делали двускатную крышу, защищавшую створки от атмосферных осадков (рис. 8).

На Гомельщине над калиткой размещали ажурную резную вставку, которая эффектно смотрелась на просвет на фоне неба (рис. 9). Конечно, были ворота и проще, единственная створка которых из жердей или досок усиливалась диагональным элементом, предохранявшим от перекосов.

Говоря о воротах, можно упомянуть и **коловорот («коварат»)** — ворота, которые закрывали улицу на выезде из деревни /2, с. 266/. Это была одна из мер, кроме запоров на воротах строений и ночных сторожей с колотушками и трещотками на улицах, чтобы уберечь имущество от лихих людей. Особенно крестьяне опасались конокрадства и воровства домашнего скота. Есть мнение, что известное белорусское слово, означающее калитку или створку легких ворот — «весніцы» (или «веснічки»), также происходит от названия устройств, которыми когда-то закрывали улицы на границе деревни («вёскі»). Сам же коловорот представлял собой сооружение, перегораживавшее проезжую часть улицы на выезде из деревни. Старинные фотографии показывают два варианта устройства коловорота: первый — длинная дощатая створка, подвешенная с помощью мощной диагонали к «шуле»; второй — цельная на всю ширину улицы створка, поворачивающаяся вокруг столба, вкопанного посередине проезжей части.

Переplot («азярод», «пярэплат») — устройство для сушки сена и снопов. Имеет вид решетки, основанной на массивных столбах, к которым горизонтально прикреплялись несколько рядов длинных жердей (рис. 10). Сейчас они невысоки, состоят из 1 или 3 рясов и используются только для сушки сена. А ранее были высотой более 5 м, чтобы развешивать на них снопы прямо с возов («азяродзілі снапы»). Жерди обычно протягивали через специально пробитые отверстия в столбах. Для устойчивости переplotы укрепляли наклонными подкосами (рис. 11).

Оборог предназначался для хранения сена. Состоит из шатровой крыши, постепенно, по мере накопления сена, поднимающейся вверх на столбах, установленных по углам (рис. 12). Фиксация крыши на нужной высоте осуществлялась с помощью колышков, вставлявшихся в отверстия в столбах. Это сооружение всегда эффектно смотрится рядом с крупными объемами хлевов или гумна.

На территории крестьянской усадьбы предметный мир формировали также объекты складирования (поленницы или стожки колотых дров, стожки соломы и сена, запасы стройматериалов для обслуживания хозяйства), пчелиные колоды, а позднее ульи. Они всегда вносили в среду ощущение жизненности, сомасштабности человеку. Свое неслучайное место должна была найти на усадьбе и будка для собаки. Не менее

Рис. 11. Озерод в Забродье Вилейского р-на

Рис. 12. Оборог в Полотнице Слонимского р-на

Рис. 13. Мостки на Муховце в Эдитово Жабинковского р-на

выразительны малые формы, которые появлялись во внешней среде, за пределами усадеб. Например, все, что было связано с водой, — мостки, колодцы, пристани и др., никогда не было случайным, требовало достаточно точного расчета и основывалось, с одной стороны, на учете своенравия водной стихии, а с другой — на использовании ее эстетического потенциала.

Мостки («кладкі») — удобнее воды набрать, белье прополоскать, рыбу ловить, лодку или челн привязать, да и ребятам у реки с таким сооружением намного веселее. Коляя вбивались любые. Настил доски стали тратить уже где-то ближе к нашим временам (рис. 13), когда подешевели пиломатериалы, а так просто укладывали толстые жерди. И вообще, на мостки смотрели, как на сооружение хотя и обязательное, но все же временное. Их ежегодно поправляли, а то и вовсе отстраивали заново, не тратя времени на починку.

Особое, предельно уважительное отношение у белорусов до сегодняшних дней сохранилось к **криницам**. Место, где вода выходила из-под земли, издавна считалось необычным, оно было известно далеко в окрестностях, его отмечали какими-либо знаками, обносили камнями или невысоким срубом (в песне из Березинского р-на — «рублёна крынчычка»), делали удобные подходы к нему. Такое место всегда с течением времени обрастало легендами, а криница становилась неизменным участником сказок, обрядов и невольно входила в ткань духовной культуры народа.

А воду из подземных горизонтов доставали с помощью специальных устройств («калодзеж», «студня»). Самое простое из этих устройств — «кадаўб» («кадоўб»), который делали из загнанного в землю ствола дуба с выдолбленной сердцевинной. Древесина дуба, постоянно находясь во влажной среде, долго сохраняет механические качества. Поэтому «кадаўб» служил порой десятки лет. Ствол дуба подбирали такой, чтобы при удалении сердцевины получалось отверстие для прохода небольшой дежки с водой. В глубину ствол уходил не более трех метров, а то и меньше. На Полесье, особенно на западном, такие колодцы были не редкость.

Известны разные конструктивные решения укрепления стенок деревянных колодцев. Простейшее решение — забивка вертикальных плах по периметру шахты. Причем на глубине шахты стенки делали многослойным (2–3 ряда плах), что позволяло надежнее предохранять стенки от обрушения. Более совершенное решение — забивка по углам стоек, за которые закладывались плахи, формировавшие стенки шахты. А самое надежное устройство — все-таки сруб, обычно из дубовых брусьев (хотя известны и бревна, дыли). Элементы каждого венца связывались

врубками и поочередно опускались под землю. А наземная часть сруба становилась естественным продолжением подземной конструкции. В местностях, где полевой камень не был редкостью (Понеманье, Поозерье), шахту студни выкладывали из камня, причем технология отличалась от кладки обычных стен, так как необходимо было погасить давление грунта. Поэтому подбирали камни преимущественно клиноподобной формы, которые обеспечивали перевязку кладки и гасили силы сжатия.

Высокая значимость студни в обеспечении всех производственных и хозяйственно-бытовых процессов, и огромное количество труда, которое вкладывалось в поиск места для колодцев и их строительство, определили уважительное отношение к этим с виду достаточно простым сооружениям. Форма сруба — обычно квадрат в плане, но не такой уж редкостью были граненые срубы: «В центре усадьбы студня хорошая на восемь грань оцембрована гонтами на слупах крыта» (Кореличи, 1740). Сверху сруб прикрывали крышкой, защищая воду от пыли и прочего мусора, да и в житейском плане открытый колодец — вещь опасная. На крышке обычно лежал длинный шест с крюком на конце, на который навешивали ведро. Это было простейшее решение (Поозерье, где грунтовые воды близки к земной поверхности).

Из специальных устройств для подъема воды самые эффективные — «журавли». В их выразительных формах в наилучшем виде воплощены приемы конструирования, умело использовавшие естественные природные формы (рис. 14). Использовали «соху» — раздваивающийся вверху ствол дерева (дуб или сосна). Вверху в разветвление вставляли горизонтальную жердочку, на которой, как своеобразный балансир, качалась длинная жердь, на тонкий конец которой с помощью дополнительной жерди навешивалось ведро, а противоположный ее, обычно толстый конец служил противовесом. Для большей эффективности к противовесу дополнительно прикрепляли массивный обрубок дерева, привязывали камень. Чтобы противовес не ударялся о землю, его движение ограничивали специальной перекладной на подпорках. Эффективную работу «журавля» обеспечивал точный расчет, определявший длины жердей, массу противовеса, высоту сохи и место, где следовало вкопать ее, и тормозящую перекладную. Высокий «журавль» становился заметной частью застройки, своеобразным акцентом.

Не менее интересно и подъемное устройство в виде **ворота («калаўрот»)**, на который наматывается цепь, поднимая ведро с водой. Такое устройство более совершенно по сравнению с «журавлем» хотя бы потому, что компактнее. Прежде ворот приводили во вращение

Рис. 14. Колодец «журавль» в Каменке Ошмянского р-на

Рис. 15. Колодец в Браславе

надетыми на него колесом (еще в конце 1960-х гг. колесо диаметром до 2 м имела студня в Росси Волковысского р-на). При столь крупных размерах колеса подъем воды не представлял особой трудности. А вот «коловорот» требовал металлических деталей (ось, ручка). Поэтому студня-коловорот получала крышу, а то и специальное сооружение в виде своеобразного домика над наземной частью для защиты шахты и подъемного механизма.

Студня была одним из важнейших элементов центральной части средневекового города, так как располагалась прямо на рыночной площади. Ведь в ярмарочные дни прибывало множество народа, большое число повозок, торги длились долго, вода нужна была всем. Сохранилось несколько изображений таких городских колодцев. Значительных размеров, крытые шатровыми крышами, оборудованные большими колесами, они находились именно на центральной, рыночной площади (Сенно, Кобрин). Сохранился колодец в Браславе, сооруженный в 1920-е гг., в котором прочтываются ассоциации именно со средневековыми формами городских сооружений этого типа (рис. 15). Его высокая шатровая гонтовая крыша с плавно изогнутыми плоскостями завершается фигурным шпилем. А основанием для нее служит каркас с изогнутыми верхними подкосами, которые, как и заостренная форма гонта нижнего ряда, и резная форма шпиля, становятся своеобразными декоративными элементами, удачно дополняющими выразительное объемное решение.

Традиционно в Беларуси ставили памятные кресты в местах, где человек считал необходимым осенить себя крестным знаменем. Например, на перекрестке дорог, где путешественнику предстояло выбрать направление пути. Или на окраине своей деревни, ведь, отправляясь в дорогу, очень хотелось, чтобы она была благополучной. А для приезжего торговца, когда он въезжал в незнакомый для него населенный пункт, этот же крест также значил многое, ведь хотелось, чтобы здесь все было удачно. Ставили кресты и на местах трагических событий. Ставили их и на полях, чтобы уберечься от молнии или града, в память от избавления и предохранения от падежа скота, холеры и прочих эпидемий. В этом прослеживаются уходящие в глубокую, еще дохристианскую пору, верования в том, что обереги могут нейтрализовать «нечистую силу», вернуть вот именно этой территории «божескую чистоту и духовную энергию».

Как правило, крест ставится с использованием коллективного труда. Участие многих людей позволяет придорожному кресту для местных жителей стать предназначенным для всех. Тогда уход за ним превращается в проявление заботы, возвышающим человека в своем собственном

сознании. Именно это переопределяет придорожные кресты из объекта с несложными деревянными или металлическими конструкциями в важную составляющую духовной культуры. При этом неизбежно вспоминаются и соблюдаются старинные традиции. Так, предания гласят, что кресты в память избавления от эпидемий или падежа скота ставятся в одну ночь, и это вместе с рубкой дерева в лесу, его обработкой и установкой /3, с. 887/.

Придорожные кресты, увешанные ткаными ручниками, и сегодня производят впечатление установленных тысячу лет назад (рис. 16–17). Крест, установленный в центре деревни или на окраине, важен тем, что обращен своим назначением и содержанием к духовной сфере. Этому способствует значимое местоположение, выразительная форма да и физические размеры, прежде всего высота. Украшенные резьбой, венками и гирляндами из цветов, вышитыми ручниками придорожные кресты всегда обращают на себя внимание и становятся порой настоящими произведениями искусства.

Более сложными и более значимыми объектами становятся кресты, которые окружены невысокими оградками. В самом ограждении нет ничего сложного, а то и вовсе ограда из жердей. Дощечки палисада в большинстве случаев не получают даже какой-либо декоративной обработки, разве что иногда заострены сверху. Да и отстоит оградка от креста недалеко, часто менее метра. Но именно небольшие размеры, заметно отличающиеся от оград деревенских дворов и огородов, как раз и обращают на себя внимание. К тому же оградка выполняет важную функциональную роль, обозначая особую режимность территории, окружающей крест. Идея формирования особого пространства, центром которого становится крест, подчеркнуто выявляется и цветными лентами, которые протягивают от него к оградке.

В прежнее время кресты ставили с использованием элементов архитектурной резьбы (рис. 18) и даже деревянной резной скульптуры, обычно это было распятие. Плоскости брусьев, формирующих крест, были хорошей основой для любых вариантов декоративного убранства. Часто делалось снятие фасок на концах креста, а если использовали резьбу, чаще это были варианты геометризированной орнаментики или мотивы растительного орнамента. Часто придорожный крест представляет собой сооружение, серьезно продуманное как с функциональной, так и с эстетической точки зрения. Возрождение традиции установки придорожных крестов неизбежно вызывает обращение и к другим, утраченным или несправедливо забытым архитектурным формам (рис. 19–20), ранее чрезвычайно распространенным — часовням («капліцам»).

Рис. 16. Придорожный крест в Деревной Слонимского р-на

Рис. 17. Придорожные кресты в Корабах Ошмянского р-на

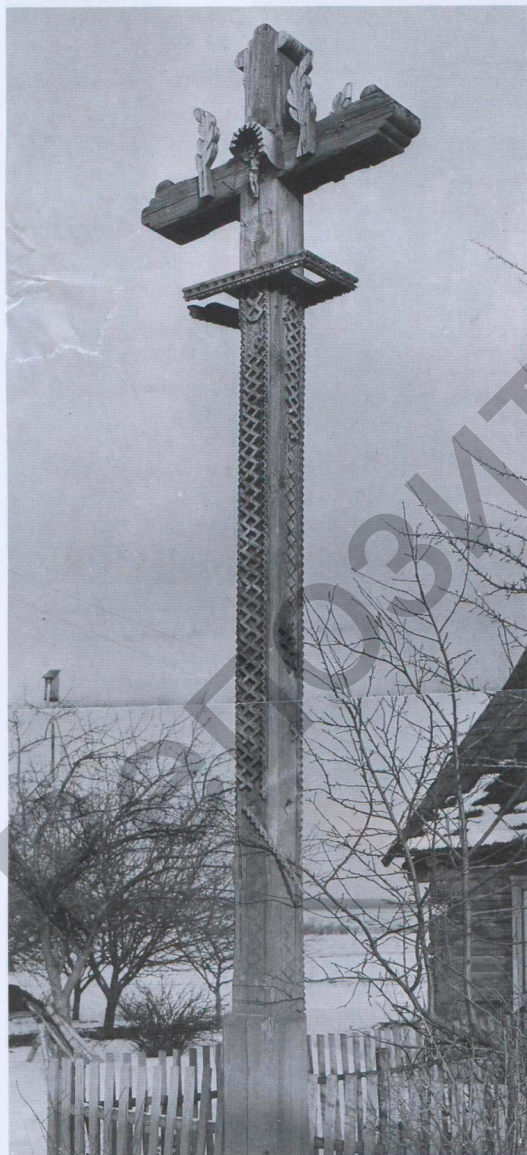

Рис. 18. Старинный придорожный крест в Едловичах
Браславского р-на

Рис. 19. Придорожный крест в Острове Слонимского р-на

Рис. 20. Придорожный крест в Соколище Россонского р-на

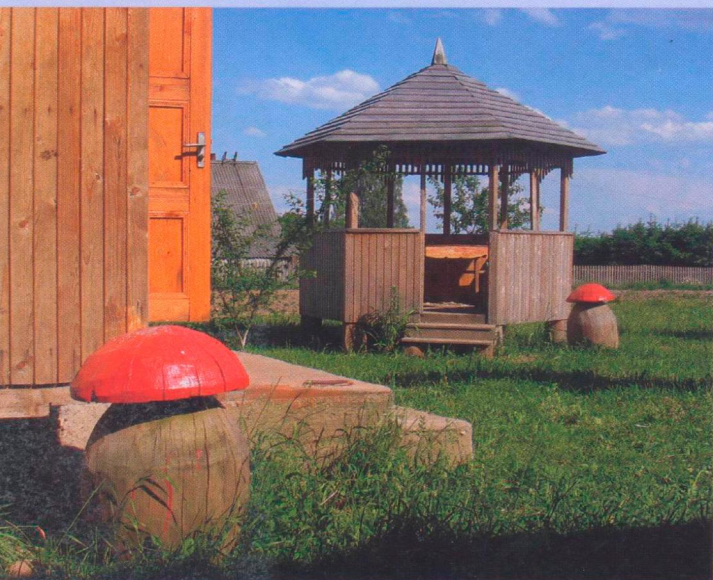

Рис. 21. Беседка в Костеневичах Вилейского р-на

Рис. 22. Беседка в Падоре Крупского р-на

Рис. 23. Беседка на территории больницы в Ветрино Полоцкого р-на

Рис. 24. Скворечник в Бубнах Вилейского р-на

Рис. 25. Колодец в Губино Дрибинского р-на

Рис. 26. Будка для собаки в Березовке Лидского р-на

Рис. 27. Скамья в Глуше Бобруйского р-на

Рис. 28. Скамья в Осово Мядельского р-на

Надо отметить, что малые архитектурные формы по-прежнему востребованны. Они, как и прежде, обеспечивают удобство проживания. При этом в оградах, беседках, скамьях, колодцах (рис. 21–28) все более проявляется изобретательность, направленная и на поиск новых

решений, и на эффективное использование новых материалов. Важно и то, что приоритет отдается разрешению эстетических вопросов. Но при этом, как полагается, не забыть и юмор. Все-таки неслучайно эти элементы архитектурной среды называют «малыми формами».

Литература:

1. Лакотка, А.И. Малые формы в народном дойлідстве / А.И. Лакотка // Мастацтва Беларусі. — 1985. — № 1. — С. 70–72.
2. Сергачоў, С.А. Коварат / С.А. Сергачоў // Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. — Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1989. — С. 266.
3. Котович, Иоанн. Об обычаях ставить кресты при дорогах, площадях, на полях и других открытых местах Северо-Западного края России / Иоанн Котович // Литовские епархиальные ведомости. — 1870. — № 21. — С. 877–891.